

— К вам нагрелу, вот уж нагрелу, — хриплый тяжелый стон тревожил больных. Быстро сменялись картины в больном мозгу тяжело раненого. Иван Акимович видел себя вихрастым длинноногим мальчуганом лет семи. Вот они со своим дружкой Васькой Денисовым бегут по мятлой пыльной дороге к реке, чтобы «отвести глаза матери». Тихонько крадучись, возвращаются на бабанинский огород. Крепко и остро пахнет зеленой конопля. Из разобранный материнской прялки они мастерят «всамделишний» самолет. Мечется в тяжелом жару Иван Акимович, задыхается от нагретой солнцем конопля и пахучего подсолнуха и уже не самолет мастерит он с Васькой, а ботик. И ботик почти готов и материалы поставлены, надо только холст натянуть и холст тут рядом лежит, плотный белый холст, что он потихоньку взял у матери. Но вдруг большая материнская рука тянется к белокурым волосам... — Ай, мамонька, не буду! — вскрикивает он, но рука вдруг нежно опускается на нылающий лоб и становится так легко и прохладно.

— Это ты, мама? — тихо шепчет он.

— Я, — печально отвечает сестра в белом халате... И халат белый и снег за окном белый...

Только ночь черная, черная и нет ей ни конца, ни края... Сестра отошла к другой койке и склонилась над другим тяжело раненым. И если он спросит у нее в бреду, жадно прижав пересохшими губами к ее руке:

— Это ты, мама?

Она тихо ответит:

— Я!

А у Ивана Бабанина температура поднимается вверх.

Его ботик давно уже готов и хочется ему спустить его в воду, чтобы плыть и плыть по широкой студеной реке, чтобы ветер веял в пылающее лицо, но плыть никак нельзя, потому что на селе пожар и он, Ванюша, тут первый помощник.

Это он и увидел первый огненный язык, он и окно у соседа выбил, и повод у коровы перерезал.

Все это было когда-то на самом деле и долго в семье маленького храбреца звали «Ванька-герой».

А сейчас, вспоминая все это в бреду, Иван Акимович мечется на подушке, хочет крикнуть «пожар», но... сухие воспаленные губы плотно сжаты.

Да, чего только ни побеждает молодость! Чего ни покоряет жажда жить!

...Вот она родная Осиновка, как давно не видел ее Иван Бабанин. Вот густой орешник, вот лес Костеничник, — все свое, родное и дорогое до боли в сердце. Только нет самых близких и дорогих: мать замучили немцы, отец погиб смертью храбрых — сторец в танке, сестренки остались живы.

— Ну, что же, надо включаться в жизнь и продолжать после войны то, что начал почти еще ребенком. А до войны Иван был трактористом.

— Спрыгнул с трактора, да на фронт добровольцем, мне ведь еще шестнадцать лет тогда не было, — рассказывает он.

Ранним весенним утром Герой Советского Союза Иван Акимович Бабанин пришел в правление колхоза. После горячих приветствий он быстро перешел к делу:

— Ну, как тут у вас с тракторами, живы ли тут мои «старички»?

— Хозяина дожидаются, — пошутил председатель. С этого дня закипела работа... Все до винтика осмотрел старый хозяин, занялся ремонтом, и когда повернул первую гайку — вздохнул радостно и легко.

— Ну, вот и отвоевались, — разве мы хотели этого — ведь спокойнее нас, русских, нет во всем свете! Ну, а уж если задела — берегись, брат, а сейчас берегись особенно, мы воевать научились.

Скоро Иван Акимович едет учиться на курсы директоров МТС.

